

П. А. Кропоткин

**Нравственные начала
анархизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. А. Кропоткин**
Нравственные начала анархизма/П. А. Кропоткин – М.: Книга по Требованию,
2024. – 68 с.

ISBN 978-5-517-97307-8

ISBN 978-5-517-97307-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРАВСТВЕННЫЯ НАЧАЛА АНАРХИЗМА.

I.

Исторія человѣческой мысли напоминаетъ собою качанія маятника. Только каждое изъ этихъ качаній продолжается цѣлые вѣка. Мысль то дремлетъ и застываетъ, то снова пробуждается послѣ долгаго сна. Тогда, она сбрасываетъ съ себя цѣпи, которыми опутывали ее всѣ, заинтересованные въ этомъ — правители, законники, духовенство. Она рветъ свои путы. Она подвергаетъ строгой критикѣ все, чему ее учили, и разоблачаетъ предрассудки, религіозныя, юридическіе и общественныя, среди которыхъ прозябала до тѣхъ поръ. Она открываетъ изслѣдованію новые пути, обогащаетъ наше знаніе непредвидѣнными открытіями, создаетъ новыя науки.

Но исконныя враги свободной человѣческой мысли — правитель, законникъ, жрецъ, — скоро оправляются отъ пораженія. Мало по малу они начинаютъ собирать свои, разсыянные было силы; они подновляютъ свои религіи и свои своды законовъ, приспособляя ихъ къ нѣкоторымъ

современнымъ потребностямъ. И, пользуясь тѣмъ рабствомъ характеровъ и мысли, которое они сами же воспитали, пользуясь временною дезорганизаціею общества, потребностью отдыха у однихъ, жаждою обогащенія у другихъ и обманутыми надеждами третьихъ — особенно, обманутыми надеждами. — они потихоньку снова берутся за свою старую работу, прежде всего овладѣвая воспитаніемъ дѣтей и юношества.

Дѣтскій умъ слабъ, его такъ легко покорить при помощи страха: такъ они и поступаютъ. Они занугиваютъ ребенка, и тогда говорятъ ему объ адѣ: рисуютъ передъ нимъ всѣ муки грѣшника въ загробной жизни, всю месть божества, не знающаго пощады. А тутъ же, они кетати расскажутъ объ ужасахъ Революціи, воспользуются какимъ нибудь случившимся звѣрствомъ, чтобы вселить въ ребенка ужасъ передъ революціею и сдѣлать изъ него будущаго „защитника порядка“. Священникъ приучаетъ его къ мысли о *законѣ*, чтобы лучше подчинить его „божественному закону“, а законникъ говоритъ о законѣ божественномъ, чтобы лучше подчинить закону уголовному. И непемпогу мысль слѣдующаго поколѣнія принимаетъ религіозный отбѣнокъ, отбѣнокъ раболѣнія и властвованія — властвованіе и раболѣние всегда идутъ рука объ руку — и въ людяхъ развивается привычка къ подчиненности, такъ хорошо знакомая намъ среди нашихъ современниковъ.

Во время такихъ періодовъ застыя и дремоты мысли, мало говорятъ вообще о нравственныхъ вопросахъ. Мѣсто нравственности занимаетъ религіозная рутина и лицемеріе „законности“. Въ критику не вдаются, а больше живутъ по привычкѣ, слѣдуя преданію, больше держатся равнодушія. Никто не радуется, ни за, ни противъ чего, явлей ответственности. Всякій старается, худо-ли, хорошо-ли подладить виѣшній обликъ своихъ поступковъ къ наружно-признаваемымъ нравственнымъ началамъ. И нравственный уровень общества падаетъ все ниже и ниже. Общество доходитъ до ответственности римлянъ во вре-

мена распадения ихъ имперіи, или французскаго „высшаго“ общества передъ революціею и современной разлагающею буржуазіи.

Все что было хорошаго, великаго, великодушнаго въ человѣкѣ, притупляется мало по-малу, ржавѣть, какъ ржавѣть ножъ безъ употребленія. Ложь становится добродѣтелью; подличанье — обязанностью. Нажиться, пожить всласть, растратить куда-бы то ни было свой разумъ, свой огонекъ, свои силы, становится цѣлью жизни для зажиточныхъ классовъ, а вслѣдъ за ними и у массы бѣдныхъ, которыхъ идеаль — казаться людьми средняго сословія.....

Но, мало по малу, развратъ и разложение правящихъ классовъ — чиновниковъ, судейскихъ, духовенства и богатыхъ людей вообще — становятся стаями возмутительными, что въ обществѣ начинается повое, обратное качаніе маятника. Молодежь освобождается отъ старыхъ путей, выбрасываетъ за бортъ свои предрасудки; критика возрождается. Происходитъ пробужденіе мысли — сперва у немногихъ, но постепенно оно захватываетъ все большій и большій кругъ людей. Начинается движеніе, проявляется революціонное настроеніе.

И тогда, всякій разъ, снова подымается вопросъ о нравственности. — „Съ какой стати буду я держаться этой лицемѣрной нравственности?“ спрашиваетъ себя умъ, освобождающійся отъ страха, внушеннаго религіею. — „Съ какой стати какаѣ бы то ни было нравственность должна быть обязательна?“

И люди стараются тогда объяснить себѣ нравственное чувство, встрѣчаемое ими у деловка на каждомъ шагу, и до сихъ поръ необъясненное, — необъясненное потому, что оно все еще считается особенностью человѣческой природы, тогда какъ для объясненія его нужно вернуться къ природѣ: къ животнымъ, къ растеніямъ, къ скаламъ....

И, что всего поразительнѣе, — чѣмъ больше люди подрыываютъ основы ходячей нравственности (или, вѣрнѣе,

лицемѣрія, заступающаго мѣсто нравственности), тѣмъ выше подымается нравственный уровень общества: именно въ тѣ годы, когда больше всего критикуютъ и отрицаютъ нравственное чувство, оно дѣлаетъ самые быстрые свои усилья; оно растетъ, возвышается, утончается.

Это очень хорошо было видно въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Уже въ 1723 мѣ году, Мандевиль — авторъ анонимно изданной „Басни о пчелахъ“ — приводилъ въ ужасъ правовѣрную Англію своею баснею и толкованіями къ ней, въ которыхъ онъ безпощадно паяздалъ на все общественное лицемѣріе, извѣстное подъ именемъ „общественной нравственности“ Онъ показывалъ, что такъ-называемые нравственные обычаи общества — ни что иное, какъ лицемѣрно надѣваемая маска, и что страсти, которыя хотятъ „покорить“ при помощи ходячей нравственности, принимаютъ только, въ дѣствіе этого, другое, худшее направленіе. Подобно Фурье, писавшему почти сто лѣтъ позже, Мандевиль требовалъ свободнаго проявленія страстей, безъ чего онѣ становятся пороками: и платя дань тогдашнему недостатку познаній въ зоологін, т. е. упу-ская изъ вида нравственность у животныхъ, онъ объявлялъ нравственные понятія въ человѣчествѣ исключительно ловкимъ воспитаніемъ: дѣтей — ихъ родителями, и всего общества — правящими классами.

Вспомнимъ также могучую, смѣлую критику нравственныхъ понятій, которую произвели въ серединѣ и концѣ восемнадцатаго вѣка шотландскіе философы и французскіе энциклопедисты, и напомнимъ, на какую высоту они поставили въ своихъ трудахъ нравственность вообще. Вспомнимъ также тѣхъ, кого называли „анархистами“ въ 1793 году, во время великой французской революціи и спросимъ, — у кого нравственное чувство достигало большей высоты: у закопниковъ-ли, у защитниковъ-ли стараго порядка, говорившихъ о подчиненіи долѣ Верховнаго Существова, или же у атеистовъ, отрицавшихъ обязательность и верховную санкцію нравственности, и тѣмъ

не менѣе предшихъ, въ то же время, на смерть во имя равенства и свободы человѣчества?

„Что обязываетъ человѣка быть нравственнымъ?“ — Вотъ, стало быть, вопросъ, который ставили себѣ рационалисты двѣнадцатаго вѣка, философы шестнадцатаго, философы и революціонеры восемнадцатаго вѣка. Позднѣе, тотъ же вопросъ возникъ передъ англійскими утилитаристами (Бентамомъ и Миллемъ), передъ нѣмецкими матеріалистами, какъ Бюхнеръ, передъ русскими нигилистами шестидесятыхъ годовъ, передъ молодымъ основателемъ анархической этики (науки объ общественной нравственности), Гюйо, который, къ несчастью, умеръ такъ рано. И тотъ же вопросъ ставятъ себѣ теперь анархисты.

Въ самомъ дѣлѣ — что?

Въ шестидесятыхъ годахъ, этотъ самый вопросъ страстно волновалъ русскую молодежь. — „Я становлюсь безнравственнымъ“, говорилъ молодой нигилистъ своему другу, иногда даже подтверждая мучившія его мысли какимъ нибудь поступкомъ. — „Я становлюсь безнравственнымъ. Что можетъ меня удержать отъ этого?“

„Библія, что-ли? Но вѣдь библія — ничто иное, какъ сборникъ вавилонскіхъ и іудейскихъ преданій, собранныхъ точно такъ же, какъ собирались когда-то пѣсни Гомера, или какъ теперь собираютъ пѣсни басковъ и сказки монголовъ! Неужели я долженъ вернуться къ умственному пониманію полу-варварскихъ народовъ Востока?“

„Или-же я долженъ быть нравственнымъ, потому что Кантъ говоритъ намъ о какомъ-то „категорическомъ императивѣ“ (основномъ предписаніи), который исходитъ изъ глубины меня самого и предписываетъ мнѣ быть нравственнымъ? Но, въ такомъ случаѣ, почему же я признаю за этимъ категорическимъ императивомъ больше власти надъ собою, чѣмъ за другимъ императивомъ, который иногда, можетъ быть, велитъ мнѣ выпить пива?“

Вѣдь это — только *слово*, такое же слово, какъ слово Провидѣніе, или Судьба, которымъ мы прикрываемъ свое невѣденіе.

„Или же, потому я долженъ быть нравственнымъ, что такъ угодно Бентаму, который увѣряетъ, что я буду счастливецъ, если утону, спасая челоуѣка, тонущаго въ рѣкѣ, чѣмъ если я буду смогрѣть съ берега, какъ онъ тонетъ?“

„Или же, наконецъ, потому, что такъ меня воспитали? Потому что моя мать учила меня быть нравственнымъ? Но въ такомъ случаѣ, я долженъ, стало-быть, класть поклоны передъ картиною, изображающею Христа или Богородицу, уважать царя, преклоняться передъ судьей, когда я, можетъ быть, знаю, что онъ взяточникъ? Все это, только потому, что моя мать, наши матери, — прекрасныя, но въ концѣ концовъ очень мало знающія женщины — учили насъ кучѣ всякаго вздора?“

„Все это предразсудки, — и я всячески постараюсь отъ нихъ отдѣлаться. Если мнѣ противно быть безнравственнымъ, то я заставлю себя быть таковымъ, точно такъ же, какъ въ юность я заставлялъ себя не бояться темноты, кладбища, привидѣній, покойниковъ, къ которымъ нянюшки вселяли мнѣ страхъ. Я сдѣлаю это, чтобы разбить оружіе, которое обратили себѣ на пользу религій; я сдѣлаю это, хотя бы только для того, чтобы протестовать противъ лицемерія, которое палагаетъ на насъ обязанности во имя какого-то *слова*, названнаго ими нравственностью.“

Такъ разсуждала русская молодежь, въ ту пору, когда она отбрасывала предразсудки „стараго міра“ и развертывала знамя нигилизма (т. е., въ сущности, анархической философіи), и говорила: „не склоняйся ни передъ какому авторитетомъ, какъ бы уважаемъ онъ ни былъ; не принимай на вѣру никакого утвержденія, если оно не установлено разумомъ“.

Нужно-ли прибавлять, что, отбросивъ уроки нравственности своихъ родителей и отвергнувъ всё, безъ исключенія этическія системы, эта же самая нигилистическая молодежь выработала въ своей средѣ ядро нравственныхъ *обычаевъ, обихода*, гораздо болѣе глубоко нравственныхъ, чѣмъ весь образъ жизни ихъ родителей, выработанный подъ руководствомъ евангелія, или „категорическаго императива“ Канта, или „правильно понятой личной выгоды“ англійскихъ утилитаристовъ.

Но раньше, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, „почему быть мнѣ нравственнымъ?“ рассмотримъ сперва мотивы чловѣческихъ поступковъ.

II.

Когда наши прародители старались уяснить себѣ, что побуждаетъ человѣка дѣйствовать такъ или иначе, они очень просто рѣшали дѣло. По сію пору можно еще найти католическія картинки, на которыхъ изображено ихъ объясненіе. По полю идетъ человѣкъ и, самъ того не подозревая, несетъ діавола у себя на лѣвомъ плечѣ, и ангела на правомъ. Діаволъ толкаетъ его на зло, ангелъ же старается удержать отъ зла; и если ангелъ возьметъ верхъ, и человѣкъ останется добродѣтельнымъ, тогда три другихъ ангела подхватятъ его и унесутъ въ облака. Все объяснено, какъ нельзя лучше.

Наши старушки-нянюшки, хоі-ошо освѣдомленныя по этимъ дѣламъ, скажутъ вамъ даже, что никогда не надо класть ребенка въ постель, не разстегнувши ворота его рубашки. Нужно, чтобы „дужка“ внизу шеи оставалась открытой; тогда ангелъ-хранитель пріютится въ ней. Иначе, діаволъ будетъ мучить ребенка во снѣ.

Всѣ эти простыя, наивныя вѣрованія конечно пропадаютъ мало по малу. Но, если старыя слова исчезаютъ, то суть остается таже.

Люди, учившіся чему нибудь, больше не вѣрятъ въ діавола; но такъ какъ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ пониманіе природы ничуть не рациональнѣе, чѣмъ пониманіе нашихъ нянюшекъ, они попросту запрятывають діавола и ангела подъ схоластическія словеса, которыя у нихъ сходятъ за философію. вмѣсто „діавола“, нынче говорятъ: „плоть, дурныя страсти“. „Ангела“ нынче замѣнили словами „совѣсть“, „душа“ — „отраженіе мысли Творца“, или же „Великаго зодчаго“, какъ говорятъ франъ-масоны. Но поступки человѣка все же представляются, какъ и въ старину, — только, какъ слѣдствіе борьбы двухъ враждебныхъ началъ: добраго и злого, вмѣсто двухъ враждебныхъ существъ. И человѣкъ считается добродѣтельнымъ, или нѣтъ, смотря по тому, которое изъ двухъ началъ — душа, совѣсть, или же плоти страсти — одержитъ верхъ.

Легко понять ужасъ нашихъ дѣдовъ, когда англійскіе философы восемнадцатаго вѣка, а за ними французскіе энциклопедисты начали утверждать, что ангелы и діаволы — ни при чемъ въ человѣческихъ поступкахъ; что всѣ поступки человѣка, хорошіе и дурные, полезные и вредные, имѣють одно побужденіе: желаніе личнаго удовлетворенія.

Люди вѣрующіе, а въ особенности неисчислимая орда фарисеевъ подняли тогда громкіе крики, обвиняя философовъ въ безнравственности. Ихъ всячески оскорбляли, ихъ предавали анафемѣ. И когда, позднѣе, въ теченіе девятнадцатаго вѣка, тѣже мысли высказывались Бентамомъ, Миллемъ, а потомъ Чернышевскимъ и многими другими, и эти писатели стали доказывать, что эгоизмъ, т. е. желаніе личнаго удовлетворенія, является истиннымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ поступковъ, то провлятія религіозно-фарисейскаго лагеря раздались съ новою силою. Этыхъ писателей стали обзывать невѣждами, развратниками, а ихъ книги замалчивали.

Но — было-ли ихъ утвержденіе, въ самомъ дѣлѣ, такъ невѣрно?

Вотъ человѣкъ, который отнимаетъ у голодныхъ дѣтей послѣдній кусокъ хлѣба. Всѣ единогласно признають, вѣдь, что онъ — отчаянный эгоистъ, что имъ двигаетъ только *любовь къ самому себѣ*.

Но вотъ другой, котораго всѣ признають добродѣтельнымъ. Онъ дѣлитъ свой послѣдній кусокъ хлѣба съ голодными, онъ снимаетъ съ себя одежду, чтобы отдать тому, кто забнетъ на морозѣ. И моралисты, говори все тѣмъ же языкомъ религій, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что въ этомъ человѣкѣ любовь къ ближнему доходитъ до *самопожертвованія*, — что имъ двигаетъ совсѣмъ другая страсть, чѣмъ эгоистомъ.

А между тѣмъ, если подумать немножко, не трудно замѣтить, что — хотя послѣдствія этихъ двухъ поступковъ совершенно различны для человѣчества, двигающая сила того и другого одна и та же. И въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ ищетъ удовлетворенія своихъ личныхъ желаній — слѣдовательно, удовольствія.

Если бы человѣкъ, отдающій свою рубашку другому, не находилъ въ этомъ личнаго удовлетворенія, онъ бы этого не сдѣлалъ. Если бы, наоборотъ, онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы отнять хлѣбъ у дѣтей, онъ такъ бы и поступилъ. Но ему было бы неприятно, тяжело такъ поступить; ему пріятно, наоборотъ, подѣлиться своимъ, — и онъ отдаетъ свой хлѣбъ другому.

Если бы, мы не хотели, во избѣжаніе путаницы понятій, воздерживаться отъ употребленія въ новомъ смыслѣ словъ, уже имѣющихъ установленный смыслъ, мы могли-бы сказать, что и тотъ и другой человѣкъ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ своего *эгоизма* (себялюбія). Такъ и говорятъ нѣкоторые писатели, чтобы сильнѣе оттѣнить свою мысль — чтобы рѣзче выразить ее въ формѣ, которая поражаетъ воображеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ отстранить легенду, утверждающую что побужденія совершенно различны въ этихъ двухъ случаяхъ. На дѣлѣ же побужденіе